

С. А. Васильев¹

Г.П. ГРИГОРЬЕВ, ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА С.Н. ЗАМЯТНИНА

Vasiliev S.A. G.P. Grigorev, the successor of S.N. Zamyatnins' mission

The paper is devoted to the memory of the outstanding scholar, G.P. Grigoryev. The main lines of his research activity are outlined. Among these the achievements in the excavations of the open-air sites (exploration campaign at Avdeevo executed in collaboration with M.D. Gvozdover) and the study of the intra-site functional variability are worth to mention. The cultural differentiation of the Upper Paleolithic of the Russian Plain (with emphasis on East Gravettian) was the focus of attention of G.P. Grigoryev. His numerous contributions were devoted to the study of the Upper Paleolithic origins, the Old Stone Age cultures in Africa and Asia, the Paleolithic art, history and theory of archaeology. In the Russian archaeological tradition G.P. Grigoryev could be considered as a direct successor of S.N. Zamyatnin in the study of the largest culture areas in the Paleolithic.

27 января 2012 г. от нас ушел ведущий научный сотрудник отдела палеолита ИИМК РАН доктор исторических наук Геннадий Павлович Григорьев. Г.П. Григорьев был одним из крупнейших в нашей стране специалистов по археологии палеолита, тонким знатоком типологии каменных индустрий, прекрасным полевиком. Для Г.П. Григорьева был характерен необычайно широкий спектр научных интересов, охватывающий практически все разделы палеолитоведения — от вопросов происхождения человека и древнейших стоянок Африки до культурных изменений на рубеже финала палеолита и мезолита. Блестящий полемист, неутомимый и порой язвительный критик, Г.П. Григорьев на протяжении работы в отделе выступал в роли неизменного «нарушителя спокойствия», инициатора

самых жарких споров. Его активность во многом определяла облик ленинградской-петербургской школы изучения палеолита.

В развитии отечественной археологии Г.П. Григорьев по праву занимает место непосредственного продолжателя дела С.Н. Замятнина по целому ряду направлений, таких как изучение жилищ и поселений, реконструкция хозяйства и общественного строя в палеолите, анализ стилистики и раскрытие смысла древнейшего искусства. Особое место в научном творчестве Г.П. Григорьева занимала впервые четко сформулированная С.Н. Замятниным тема выделения крупнейших культурных областей палеолита.

Еще до начала работы в ЛОИА в 1960 г. Г.П. Григорьев стал участником научной жизни. В тезисах докладов студенческой конференции появляется его первая печатная работа, посвященная материалам Аносовки II (Григорьев, 1958). Вскоре вы-

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

ходит в свет обратившая внимание специалистов статья о дискуссионных проблемах верхнего палеолита Русской равнины, где начинающий исследователь сразу включился в гущу кипевших тогда споров о стадиальности и локальности в развитии верхнепалеолитической культуры (Григорьев, 1960). Участник ежегодных работ в Костенках, Г.П. Григорьев с юношеским пылом выступил на стороне своего учителя А.Н. Рогачева.

Из числа многочисленных работ Г.П. Григорьева данного периода выделяется капитальная монография «Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens» (Григорьев, 1968). Рукопись этой книги еще в 1965 г. была защищена в качестве кандидатской диссертации. В книге было представлено развернутое обоснование версии автохтонного происхождения верхнего палеолита в Европе, построенное на анализе обширной литературы. Исследователь отрицал миграцию ранних Homo sapiens с территории Ближнего Востока и указывал на признаки, связывающие перигордьян с мустье с ашельской традицией, а ориньяк — с мустье шарантской группы.

Начиная с 1972 г. на протяжении нескольких десятилетий Г.П. Григорьев совместно с М.Д. Гвоздовер руководил раскопками одного из наиболее сложных и интересных памятников верхнего палеолита Восточной Европы — стоянки Авдеево.

Говоря о Г.П. Григорьеве, нельзя не сказать об особом интересе исследователя к древнейшим стоянкам Африки — колыбели человечества. Многолетняя работа по литературным источникам обрела свое завершение в монографии «Палеолит Африки», вышедшей в серии «Палеолит мира» (Григорьев, 1977а) и успешно защищенной в качестве докторской диссертации в 1981 г. Под руководством Г.П. Григорьева осваивали азы археологии палеолита студенты и аспиранты из различных стран Африки. А в 1996 г. сам Г.П. Григорьев, один из немногих отечественных археологов, посетил «черный континент», приняв участие в изучении ашельских памятников в Эфиопии.

Работа над «Палеолитом мира» не сводилась для Г.П. Григорьева к африканским материалам. Им была подготовлена к печати рукопись тома «Палеолит Европы».

Г.П. Григорьев постоянно занимался преподавательской деятельностью на историческом и филологическом факультетах Санкт-Петербургского государственного университета, в разные годы читал лекции в Уральском, Иркутском, Самаркандском, Туркменском университетах. Им были изданы программы ряда лекционных курсов. В качестве научного консультанта приглашался на раскопки в Узбекистане, Армении, Азербайджане, Северной Осетии. Г.П. Григорьев активно участвовал в организации и проведении выставки по палеолитическому искусству в Эрмитаже.

Заслуги Г.П. Григорьева неоднократно отмечались Почетными грамотами Президиума Академии наук, бронзовой медалью ВДНХ, именной стипендией Президиума РАН.

Труды Г.П. Григорьева получили заслуженное международное признание. Исследователь принимал участие в работе научных конгрессов и конференций в различных странах мира. Его работы публиковались в Чехословакии, Польше, Венгрии, Бельгии, Италии, Франции и США. Он входил в состав постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного союза доисторических и протоисторических наук.

В последние годы жизни Г.П. Григорьев сосредоточил свои усилия на изучении стилистики палеолитического искусства. Он готовил книгу по этой тематике. Увы, тяжелая болезнь и преждевременная кончина прервали научный поиск, и опубликованные статьи производят впечатление отрывков из большого труда, которому не суждено уже увидеть свет.

Рассмотрим основные направления многообразной творческой деятельности Г.П. Григорьева. Начнем с методики полевых исследований. При раскопках в Авдеево М.Д. Гвоздовер совместно с Г.П. Григорьевым были разработаны оригинальные приемы тонкого микростратиграфического исследования культурного слоя с применением системы микропрофилей и индивидуальной фиксации артефактов. В пределах мощного культурного слоя им удалось проследить ряд периодов обитания, причем связать время функционирования характерных для исследуемого комплекса ям с начальным этапом жизни на стоянке (Гвоздовер, Григорьев, 1990).

Другой интересный феномен, на который обратили внимание соавторы, — варибельность каменного инвентаря на площади палеолитических поселений. Для обозначения данного явления М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьев применили понятие «фациальность». Первоначально факт различия облика индустрии между комплексами в пределах стоянки трактовался как показатель того «нижнего предела» варибельности, за который не следует переступать, проводя распределение памятников по культурам. Однако в других ситуациях вариация была выражена в наличии специфических групп изделий, локализовавшихся только в пределах той или иной зоны культурного слоя (например, зубчатая «группа сопряженных орудий» на южном участке Каменной Балки II; Гвоздовер, Григорьев, 1975).

Огромное внимание Г.П. Григорьев уделял вопросам совершенствования методики типологического анализа каменного инвентаря. В составе группы московских и ленинградских археологов он в духе того времени стремился разработать четкую, иерархически построенную классификацию каменных орудий, базирующуюся на статистическом анализе сочетания качественных и количественных признаков. Авторы исходили из иерархического построения схемы классификации, где на разных уровнях выделяются категории (скребки, резцы, пластинки с притупленным краем и др.), субкатегории или надтипы (например, резцы срединные, угловые и др.), именуемые также категориальными разновидностями. Ниже следовал основной уровень типов, описываемых наиболее длинным списком признаков, а иногда делящихся на подтипы. На базе этой схемы с использованием учета взаимной встречаемости признаков, была построена классификация пластинок с притупленным краем (Гвоздовер и др., 1974). Выделенные в итоге «устойчивые разновидности форм» орудий были соотнесены в одних случаях с понятием «тип», в других — с понятием «надтип».

Не обошел Г.П. Григорьев стороной волновавший тогда исследователей палеолита вопрос о характере и сущности техники леваллуа. При этом он встал на сторону сторонников «узкого леваллуа», видевших в наличии подготовительной

обработки ядрищ до скалывания, предопределяющей параметра скола, основной признак леваллуа. К леваллуазским исследователем отнес ядрища, предназначенные для снятия одного-двух сколов (или даже единственного скола), то есть черепаховидные формы и нуклеусы для острий, добавляя к ним ядрища со следами параллельного скалывания, но несущие следы предварительного оформления (Григорьев, 1972б).

На протяжении нескольких десятилетий в центре внимания Г.П. Григорьева находился вопрос о культурном членении верхнего палеолита Восточной Европы. При этом версия археологических культур в древнекаменном веке претерпевала заметные изменения по мере накопления и осмысления данных.

В ранних работах Г.П. Григорьев предстает верным учеником А.Н. Рогачева, последовательно отстаивающим и порой абсолютизирующим версию археологических культур в палеолите. В представлениях того времени весь мир верхнего палеолита оказывался разделенным на ячейки — локальные культуры, интерпретируемые как археологические свидетельства существования древних племен. Тогда казалось, что уже наметились единицы, соответствующие реальным группам древнего населения, и «в скором времени мы будем близки к пониманию конкретной истории палеолитических племен» (Григорьев, 1960, с. 14). Наряду с замкнутостью отдельных культур Г.П. Григорьев (1966; 1968) признавал феномен диффузии и «миграции типов» в межиндустриальных течениях. Эти явления лежали в основе выделения им «районов взаимосвязанного развития ряда культур».

Более узким охватом отличались понятия, введенные для обозначения группы генетически связанных между собой культур. Г.П. Григорьев (1968) применил при характеристике восточного граветта термин «виллендорфско-павловско-костенковское единство». Данное «единство» отражало, по его мнению, процесс расселения какого-то древнего племени из Средней Европы на Русскую равнину.

Другой вопрос касался групп культур, лишенных территориальной общности, но демонстрирующих сходные черты развития. Первоначально для

обозначения генетически не связанных, но близких культурных явлений, возникающих в результате конвергенции, Г.П. Григорьевым (1966; 1968) вслед за П.П. Ефименко было предложено понятие «путь развития». Для ранней поры верхнего палеолита Г.П. Григорьев выделил ориньякоидный, селетоидный (или селетско-стрелецкий) и перигордоидный пути развития. По его мнению, понятие «путь развития» отражало явление синстадиальности, параллельное существование на определенном этапе культур со сходными чертами. Общие характеристики индустрии при этом распространялись на группу типов, эта близость носила неполный характер, и казалось невозможным выстроить культуры, относящиеся к одному пути развития, в единую эволюционную цепочку. Параллельное существование двух культур разных путей развития на одной территории во время начального этапа верхнего палеолита (например, ориньяка и перигордьена) трактовалось Г.П. Григорьевым как остаток отмирающей мустьерской организации (когда сосуществовало значительно большее число индустрий), постепенно уступающей место четкому пространственному делению на культуры.

Позже понятие «путь развития» уже не соотносилось Г.П. Григорьевым с археологическими культурами и выступало как самостоятельная единица классификации другого порядка, основанная не на сочетании типов, а на «сопряженных группах орудий». В дальнейшем эта тематика разрабатывалась им почти исключительно на мустьерских материалах.

Со временем дискуссия о соотношении стадийных и локальных черт в развитии палеолитической культуры перешла за рамки верхнепалеолитической тематики. Вслед за Ф. Бордом была поставлена проблема существования культур в мустье. Для обозначения этих явлений Г.П. Григорьев (1968) употреблял термин «вариант» вместо «археологической культуры», так как в его тогдашнем представлении одним из основных показателей археологической культуры была пространственная локализация, а для мустье характерно сосуществование на одной территории четырех-пяти вариантов.

Далее встал вопрос о пространственной привязке культур. Г.П. Григорьев (1968) попытался

определить площадь археологической культуры в палеолите как территорию 50–150 км в поперечнике. Показатель ограниченности территории играл очень важную роль. При отсутствии географической локализации какой-либо индустрии Г.П. Григорьев называл ее не «культурой», а имел в виду неопределенным термином «группа».

Сложности выделения культур привели к постепенному отходу от локально-культурной версии. Г.П. Григорьев (1987) вначале отказался от тенденции выделять локальные культуры в мустье и начал писать лишь о единственной археологической культуре среднего палеолита — мустье типа кина, выделяемой по наличию специфического типа скребел. Определение культуры на основе устойчивого сочетания типов каменных орудий также было оставлено. Г.П. Григорьев (1979) пришел к мысли, что типы можно использовать преимущественно для различения культур между собой, а определение культуры должно основываться на уровне как типов, так и надтипов и групп более высокого уровня.

Позднее Г.П. Григорьев (1993б) делает следующий шаг, отрицая уже идею деления всего европейского верхнего палеолита на археологические культуры. По его мнению, археологическая культура, во-первых, должна быть определена на основании хотя бы одного-двух специфических типов, общих для однокультурных памятников. Во-вторых, археологическая культура должна делиться на ряд ступеней, демонстрирующих направленность развития. В-третьих, археологическая культура должна обладать четко очерченной территорией. Следуя этой логике, представленным требованиям отвечают только единицы деления верхнего палеолита юго-запада Франции, а в Восточной Европе культур вовсе не оказывается.

Главный адепт и пропагандист локально-культурного подхода в 1960-е годы, в 1990-е Г.П. Григорьев признает: «Попытки отыскать археологические культуры в верхнем палеолите Восточной и Средней Европы за последние 30 лет окончились неудачей. Памятники, объявленные ядром будущей археологической культуры, так и остались одиночками» (Григорьев, 1992б, с. 15). В этой связи отметим возрастание интереса исследователя к проб-

леме внутренней периодизации верхнего палеолита, уже лишенной в отличие от стадиялизма 1930-х годов социологической привязки и носящей ныне более сложный характер, учитывая хронологическую чересполосицу индустрий. Г.П. Григорьев (1989) пришел к выводу о возможности трехчленного деления верхнего палеолита Восточной Европы, а именно — разграничения ранней и поздней поры, между которыми вклинивался так называемый «граветтский эпизод» (виллендорфско-костенковское единство). В известной мере это означало возврат к давней точке зрения П.П. Ефименко о дифференциации вариантов культуры на начальной и конечной стадиях верхнего палеолита Европы и разделяющей их эпохе единства.

В позднейших трудах происходит окончательный поворот Г.П. Григорьева к стадиялизму. Он пишет: «Представление о стадияльном единстве памятников, которые назывались памятниками со статуэткой и наконечником, давно было выработано, и мы идем вслед П.П. Ефименко и С.Н. Замятнину, уточняя их соображения и помещая их в иную систему понятий» (Григорьев, 1998б, с. 73). «Существование важнейших (временных) *периодизационных* подразделений верхнего палеолита существенно для выделения/отличия эпохи верхнего палеолита от любой другой эпохи палеолита. Говоря *периодизационных*, я имею в виду стадияльность этих подразделений» (Григорьев, 2006а, с. 89 [курсив Г.П. Григорьева]).

Итак, в пределах верхнего палеолита Европы исследователь выделил три поры (отметив невозможность подобной стадияльной периодизации для мустье, где могут быть выделены только пути развития). К ранней поре отнесено время существования трех разновидностей культуры. Во-первых, это ориньяк, понимаемый как единое культурное явление, распространенное от Испании до Дона. Во-вторых, это памятники с двусторонне обработанными формами (селетско-стрелецкие); в-третьих, комплексы с остролями с притупленным краем (перигордьян и улуццо). По мнению Г.П. Григорьева, именно отсутствие археологических культур на этом этапе развития сближает структуру раннего верхнего палеолита и мустье (Григорьев, 2006в). Далее следует средняя пора верхнего па-

леолита, понимаемая как эпоха сосуществования множества культурных проявлений, в основном подпадающих под понятие граветта, и время появления первых археологических культур (павловской, костенковской). Завершает палеолит поздняя пора, мадленское время, характеризующаяся возникновением нового единства памятников на огромной территории.

Вслед за классической работой С.Н. Замятнина (1951), Г.П. Григорьев обратился к теме выделения крупнейших культурных областей палеолита. Им была выдвинута оригинальная концепция «пост-мустье» — эпохи переживания мустьерских элементов в позднепалеолитическое время в афро-азиатской зоне. Первоначально Г.П. Григорьев (1966; 1968) заявил о том, что на территории Ближнего Востока и Европы верхний палеолит возник на 20 т.л. раньше, чем в Африке и большей части территории Азии. Он связывал этот феномен с процессом сапиентизации и считал, что *Homo sapiens* в Европе и на Ближнем Востоке существовал в то же время, что неандертальцы в других зонах ойкумены. Позже об этой связи археологических и антропологических аргументов Г.П. Григорьев уже не упоминал, однако сама идея деления мира в эпоху верхнего палеолита на два региона осталась. Для афро-азиатского региона, по мнению Г.П. Григорьева (1970), было характерно развитие леваллуазской техники в направлении к призматической или, минуя верхнепалеолитическую стадию, прямо к микролитам. Верхнепалеолитическая культура появилась здесь лишь на финальном отрезке плейстоцена. Как отмечал Г.П. Григорьев: «Это деление является дихотомичным, и если Передняя Азия и Европа действительно были связаны между собой, то делать вывод о единстве исторического развития для Африки и Азии исходя из негативного признака — отсутствия этапа позднего палеолита — было бы нелогично» (Григорьев, 1969, с. 222). К сожалению, данная идея, как будто открывавшая путь к идентификации ряда культурных зон в верхнем палеолите, была оставлена, и в дальнейшем Г.П. Григорьев к ней не возвращался.

В 1973 г. понятие получает наконец терминологическое оформление — для эпохи переживания мустьерских индустрий в афро-азиатской зоне был

предложен термин «постмустье» (Григорьев, Рапов, 1973). Применительно к африканской территории тема постмустье была подробно разработана в специальной монографии Г.П. Григорьева (1977а). По его мнению, в Африке почти нет чисто мустьерских памятников, и вслед за ашелем здесь следует единая эпоха мустье-постмустье с сохранением леваллуазских традиций расщепления, местами переходящих к призматической технике, и наличием специфических групп орудий (пикообразных, долотообразных орудий, листовидных острий) в сочетании с верхнепалеолитическим набором изделий. На основе этого своеобразного постмустье совершается переход к микролитической технике.

В том же году Г.П. Григорьев рассмотрел азиатское постмустье. По его мнению, здесь, во-первых, отсутствовала резкая смена набора орудий на рубеже мустье и позднего палеолита, во-вторых, во всех памятниках закономерно сочетались мустьерские и верхнепалеолитические элементы, в-третьих, эти архаические компоненты продолжали свое развитие вплоть до голоцена. «“Постмустье” Азии характеризуется мустьерской техникой раскалывания — дисковидными и леваллуазскими ядрищами, порой плоскими ядрищами, несколькими разновидностями орудий, свойственных ашелю, например чопперами, но основную массу составляют скребла, остроконечники, зубчатые орудия, а вместе с ними резцы, скребки, изредка костяные орудия и даже украшения из камня и раковин» (Григорьев, 1977б, с. 60).

Что касается палеолита Америки, то Г.П. Григорьев рассматривал его отдельно от остальных частей света и считал, что любая таксономическая система периодизации, принятая в Старом Свете, здесь не применима.

Другая сторона расчленения палеолита в глобальном масштабе — временной аспект, выделение эпох развития и анализ эволюции индустрий в большом хронологическом диапазоне. Г.П. Григорьев (1977а, б; 1988а) представил в своих трудах целостную концепцию периодизации древнекаменного века. Согласно его схеме, эпохи палеолита различались по характеру своей внутренней структуры, то есть пространственно-временной измен-

чивости археологического материала и тех аналитических единиц, на которые его можно разделить. Если на олдувайской ступени локального разнообразия не прослеживается, то в ашеле могут быть выделены разновидности. К ним относятся северный ашель (с рубилами), южный ашель (с колунами), ашель с чопперами (например, памятники клетонского типа в Европе). Эти разновидности имеют определенную территориальную приуроченность, хотя и располагаются во многом чересполосно. Для Африки более характерны комплексы южного ашеля (иногда со своеобразными пиками), в то время как в Европе и Азии встречаются все три разновидности. Однако если на западе и юге Азии доминирует ашель с рубилами, то на востоке континента получает развитие ашель с чопперами, хотя памятники с рубилами здесь также есть.

Следующая эпоха — мустьерская, понимавшаяся Г.П. Григорьевым как время начала массового производства орудий (скребел со сходящимися лезвиями, мустьерских остроконечников, двукопечных и листовидных острий, ножей с обушком, двусторонне обработанных ножей) на стандартных заготовках. В мустье, как и в ашеле, отсутствует такая единица, как тип изделия, имеются лишь категории и субкатегории, что исключает возможность выделения археологических культур (вопреки более раннему мнению того же автора — см. выше). Поэтому для мустьерской эпохи могут быть выделены лишь пути развития — экстерриториальные единицы группировки, идентифицируемые на основании сопряженных групп орудий. Таких путей развития Г.П. Григорьев насчитывал пять-шесть. Так, совместная встречаемость в индустрии зубчатых, выемчатых, усеченных ретушью изделий и орудий высокой формы указывает на зубчатый вариант мустье. Сочетание угловатых и диагональных скребел с мустьерскими остроконечниками (часто также с лимасами) — признак типичной разновидности мустье, двусторонне обработанных форм типа прондник или клаузеннише — мустье с «рубильцами», наличие орудий на гальках и галечных дольках — мустье понтийского типа, простые формы продольных скребел — мустье леваллуазской разновидности и т.д. Совокупность этих

путей развития составляет единый «мустьерский комплекс» (по Ф. Борду). В то же время набор категорий изделий позволяет выделить различные «комплексы» в пределах мустье и отличить мустье европейско-переднеазиатского региона от «азиатского мустье» (Григорьев, 1988б). Лишь начиная с верхнего палеолита появление типов орудий дает возможность идентифицировать археологические культуры, и то не повсеместно, а лишь на западе Европы.

В дискуссиях по проблеме происхождения человека Г.П. Григорьев занял крайнюю позицию среди сторонников так называемого «эмерджентизма» — появления с началом производства каменных орудий всех основных элементов человеческого общества — сознания, речи, разумного труда и каких-то форм общественного устройства. В этой связи понятие «инстинктивного труда» подвергалось им постоянной критике (Григорьев, 1977а).

Немало было сделано Г.П. Григорьевым в области изучения искусства, особенно стилистики женских статуэток восточного граветта. По мнению Г.П. Григорьева, за основу изучения памятников древнейшего искусства следует положить стилистический, искусствоведческий по сути анализ, а не данные абсолютного датирования. Исходя из этого положения исследователь считал, что подлинно художественное творчество в древнекаменном веке было ограничено европейской территорией, за ее пределами встречались лишь отдельные проявления искусства, гораздо более примитивного свойства. Г.П. Григорьев различал характер эволюции монументального и мобильного искусства. Если в первом случае никакой последовательности смены художественных стилей уловить не удастся, то в стилистике мелкой пластики можно выделить три фазы развития — ориньякскую, граветтийскую и мадленскую (Григорьев, 2007).

Особой темой изучения для Г.П. Григорьева был сравнительный анализ верхнепалеолитических погребений, к которому, как и в случае с каменными орудиями, он подошел с точки зрения формально-структурного описания. В основе его подхода лежала детальная фиксация в табличной форме признаков, относящихся к устройству захоронения, положению в нем останков и характеру

сопровождающего инвентаря (Григорьев, Леонова, 1977).

История археологической науки также всегда волновала Г.П. Григорьева. Он опубликовал очерк, посвященный традициям петербургской школы изучения палеолита, статьи и заметки о деятельности ряда выдающихся исследователей — Ф. Борда, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнина, П.И. Борисковского, А.Н. Рогачева, М.Д. Гвоздовер (Григорьев, 1992а; 1993а; 1994; 1998а; 2006б).

Нельзя обойти молчанием вклад исследователя в теоретические споры, сотрясавшие отечественную науку в 1960–1980-е годы. В противовес официальному «историзму» советской археологии Г.П. Григорьев (1981) сформулировал оригинальную концепцию «чистой археологии». Согласно этой концепции археология представляет собой самостоятельную науку, изучающую закономерности строения и развития так называемого «археологического универсума» — логически связанной системы археологических понятий различного уровня — типа, археологической культуры, общностей более высокого порядка, таких как эпоха, путь развития и т.д. Археологические понятия обладают самостоятельной ценностью. Они могут быть сопоставлены с социальными явлениями прошлого, но эта связь не однозначна и выходит за рамки «чистой археологии». Что касается реконструкции древнейших этапов истории человечества, то данная задача, по Г.П. Григорьеву, решается в принципе лишь совместными усилиями ряда наук — археологии, этнографии, антропологии и др.

Такая позиция не означала отказа исследователя от задач воссоздания характера древнейшего общества. Напротив, именно перу Г.П. Григорьева принадлежит ряд работ, посвященных вопросам реконструкции общественного строя людей древнекаменного века. На основании сопоставления археологических свидетельств с этнографическими понятиями он постулировал наличие в верхнем палеолите таких явлений, как родовая община (в качестве материального воплощения которой рассматривалась стоянка с совокупностью жилищ) и парная семья (находившая отражение в преобладании небольших одноочажных жилищ; Григорьев, 1972а; 1980). В связи с открытием мустьер-

ских жилищ, сложных проявлений культуры в раннем палеолите феномены общины и парной семьи были перенесены вначале на мутье, а затем и на весь палеолит начиная с олдувайской эпохи (Григорьев, 1977а).

Что же касается вероятного существования и характера социальных общностей более крупного масштаба, то эта проблема упиралась в нерешенность вопроса о том, каким образом соотносить единицы археологической классификации и этнографические понятия. отождествление верхнепалеолитических культур с племенами было обычным в 1960–1970-е годы. Г.П. Григорьев даже назвал данное положение «общепринятым в археологии постулатом» (Григорьев, 1968, с. 8). Вскоре понятие этничности вслед за археологической культурой перекочевало из верхнего палеолита в мутье. Для интерпретации культур среднего палеолита Г.П. Григорьев (1966; 1968) ввел понятие «предплемя». Позже Г.П. Григорьев (1972а) отошел

от прямого отождествления археологической культуры с племенем, хотя сама идея, что за археологической культурой непременно должна стоять какая-то, пусть неизвестная нам социальная общность древности осталась.

Долгий и порой противоречивый путь научного поиска Г.П. Григорьева как нельзя лучше отражает общую направленность развития отечественного палеолитоведения последних десятилетий. Это путь от чрезмерного увлечения выделением самобытных изолированных культур к пониманию общих закономерностей развития на широких территориях. «Этап исследования, когда существуют только археологические культуры, — этап, пройденный археологами палеолита» (Григорьев, 2006а, с. 95). В конечном счете это означает возврат к идеям наших великих предшественников, П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина, чьи взгляды на древнекаменный век оказались в итоге более чем актуальными.

ЛИТЕРАТУРА

- Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П.* О фашиальности в верхнем палеолите // КСИА. 1975. № 141. С. 12–17.
- Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П.* Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. 1990. № 202. С. 21–23.
- Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Деоник Д.В., Леонова Н.Б.* Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // ДИНЮВС. 1974. Вып. 1. С. 7–59.
- Григорьев Г.П.* Многослойная палеолитическая стоянка Аносовка II (Костенки XI) // Тезисы докладов на 4-й Всесоюзной археологической конференции. М.: ИА АН СССР, 1958. С. 6–7.
- Григорьев Г.П.* Некоторые спорные вопросы верхнего палеолита Русской равнины // Сборник студенческих докладов на 5-й Всесоюзной археологической конференции. М.: ИА АН СССР, 1960. С. 5–14.
- Григорьев Г.П.* К различению генетического родства, диффузии и синстадиальности // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука, 1966. С. 27–35.
- Григорьев Г.П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. М.; Л.: Наука, 1968.
- Григорьев Г.П.* Культура первобытного общества и природная среда // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969. С. 216–227.
- Григорьев Г.П.* Верхний палеолит // МИА. 1970. № 166. С. 43–63.
- Григорьев Г.П.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972а. С. 11–25.
- Григорьев Г.П.* Проблемы леваллуа // МИА. 1972б. № 185. С. 68–74.
- Григорьев Г.П.* Палеолит Африки // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Палеолит мира. Л.: Наука, 1977а. С. 43–209.
- Григорьев Г.П.* Заселение человеком Азии // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977б. С. 47–61.
- Григорьев Г.П.* Костенковская культура: методологические проблемы ее выделения // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. С. 28–30.
- Григорьев Г.П.* Какие формы общественного устройства ископаемого человека можно предположить на основании археологических данных? // ВА. 1980. № 65. С. 29–41.
- Григорьев Г.П.* О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. С. 3–15.

Григорьев Г.П. Ф. Борд и проблемы развития мустьерской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1987. С. 5–18.

Григорьев Г.П. Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: Наука, 1988а. С. 13–15.

Григорьев Г.П. Тешик-Таш и мустье Средней Азии // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1988б. С. 31–32.

Григорьев Г.П. Виллендорфско-костенковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л.: Наука, 1989. С. 45–48.

Григорьев Г.П. П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин // КСИА. 1992а. № 206. С. 12–17.

Григорьев Г.П. Итоги исследования Авдеева и проблемы костенковской культуры // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб.: ИИМК РАН, 1992б. С. 13–16.

Григорьев Г.П. Место Г.А. Бонч-Осмоловского в становлении и развитии отечественной школы изучения палеолита // Проблемы истории отечественной археологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993а. С. 33–36.

Григорьев Г.П. О соотношении типа и археологической культуры // ПАВ. 1993б. № 6. С. 15–15.

Григорьев Г.П. П.И. Борисковский и П.П. Ефименко // АВ. 1994. № 3. С. 262–263.

Григорьев Г.П. Петербургская школа изучения палеолита. Прерывистость и незавершенность // Академические научные школы Санкт-Петербурга. СПб.: Санкт-Петербургский научный центр РАН, 1998а. С. 43–52.

Григорьев Г.П. Отношение восточного граветьена к западу // Восточный граветт. М.: Научный мир, 1998б. С. 73–80.

Григорьев Г.П. Сравнительная характеристика периодизаций верхнего палеолита и мезолита // ТАС. 2006а. Вып. 6, ч. 1. С. 87–96.

Григорьев Г.П. Портрет одинокой женщины // АВ. 2006б. № 13. С. 368–372.

Григорьев Г.П. Ранняя пора верхнего палеолита: методика выделения // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб.: Нестор-История, 2006в. С. 39–48.

Григорьев Г.П. Эволюция в палеолитическом искусстве (как она представляется после 1994 года) // Искусство и религия древних обществ. Луганск: Світлиця, 2007. С. 19–31.

Григорьев Г.П., Леонова Н.Б. Новое об антропологии грота Детей // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 7–21.

Григорьев Г.П., Ранов В.А. О характере палеолита Средней Азии // Тезисы докладов сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований в СССР в 1972 г. Ташкент: Фан, 1973. С. 195–197.

Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // ТИЭ. Н.с. 1951. т. XVI. С. 88–152.